

наивысшие больше скотоводства, нежели хлебопашества, живут тесно и вразброс; но больше становятся похожими на юрты. Многие заимствуют родной язык и говорят между собою на якутском. Молодые вовсе не понимают по русски. Теперешние русские по Ленте утратили славянский тип; они похожи и на якутов, и на латышей, и на финнов. — Явление такого подчинения русских инородческому влиянию в Якутской области подмечено уже давно и занесено столько же от высокой сравнительно культуры якутов, сколько и от той заброшенности, в которой редкое русское население было разбросано среди многочисленного туземного населения. Слѣдует однако надѣяться, что со временем, когда якутская область покроется достаточною сѣтью народныхъ школъ, славянский типъ восторжествуетъ и въ свою очередь поглотитъ инородческий. Подобные прикиты также имѣли мѣсто.

Съ Забайкальской жел. дор. (Экстренная лѣта по случаю распространения сибирской язвы). Мы уже сообщали, что начальникомъ работъ инженеромъ Пущениковымъ разрѣшено выдавать рабочимъ, лишившимся лошадей вълѣдствіе сибирской язвы, известное денежное пособие. Имѣя въ виду циркуляръ начальнаго работъ объ этомъ, напечатаннаго въ „В. Об.“ видно, что выдача такихъ пособій допускается лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1, если владѣльцы пашинъ, отъ сибирской язвы лошадей выполняли въ принятія на себя обязательства по отношенію къ дорожѣ; 2, пособие выплачивается при окончательномъ расчетѣ по дѣйствительной стоимости, но не дороже 50 р. за лошадь и 3, за убитыхъ лошадей, заболѣвшихъ язвою, деньги уплачиваются только по представленію установленныхъ актовъ.

Ст. Хилово, Забайкал. жел. дор. (Административное вѣдомство. Дорожная жизнь). Опираясь на деревенскаго обывателя разнажи спекуляторы, какъ видно, принимаютъ такіе иногда разбѣры, что администрація вынуждена бывать прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ. Такъ, со станціи „Хилово“, забайк. жел. дор., въ „В. Об.“, между прочимъ, пишутъ: Заболѣла и является высылке со станціи 11 семействъ за продажу спиртныхъ напитковъ. Здѣсь дѣйствительно пьянство очень развито. Несмотря на то, что на станціи имѣтъ въ одномъ итѣмъ заведеніи, въ праздничный день рѣдко можно встрѣить трезваго рабочаго человѣка. Спиртъ на станціи доставляется лѣсными дорогами, сигурносами, которые умѣютъ настолько ловко сдѣлать это, что полиціи не въ силахъ прекратить это зло.

Жизнь у насъ ужасно дорога. Всѣ необходимыя продукты, несмотря на то, что на станціи имѣется 3 лавки и казенная кладовая, продаются съ большою набакой въ сравненіи съ Петровскими заводами.

Корреспонденціи.

Г. Тюмень. 30, 31 июля и 1 августа происходила сѣздъ лѣсничихъ. Лѣсничіе собрались съ трехъ округовъ: Якутовскаго, Тюменскаго и Туринскаго.

Обсужденію сѣзда подлежали работы лѣсоустроительнаго, лѣснаго и лѣсо-культурнаго, подлежащихъ исполненію въ 1899 году.

Сѣздъ показал полную неспособность бюрократіи къ общему обсужденію и вырѣшенію вопросовъ. Во первыхъ, вопреки указаніямъ центральной власти, программы вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію сѣзда, вырабатывалъ не самъ сѣздъ, а управленіе государственнаго имущества. Во вторыхъ, представляющій на сѣздѣ ревизоръ не столько старался о выясненіи

вопросовъ, сколько о проведеніи невольничихъ ему рѣшеній по тому, или другому вопросу. Эти рѣшенія должны были выполнятъ лѣсничіи, которые, какъ выяснилось послѣ, совсѣмъ не были согласны съ постановленіемъ сѣзда. Въ третьихъ, сами лѣсничіе не придавали сѣзду никакого значенія на томъ основаніи, что о тѣхъ вопросахъ, о которыхъ долженъ трактовать сѣздъ, неоднократно писало управленіе, подтверждалось, но изъ писанія ровно ничего не выходило. „Сколько не пиши, сколько ни говори, — все одно, все останется попрежнему“ — замѣчали лѣсничіе. Въ четвертыхъ — тѣ же лѣсничіе по чему то на сѣздѣ не представляли нужды лѣснаго хозяйства, изъбавляясь выказываться, а возлагами надежды, что „сами“ напишутъ „отъ себя“ куда слѣдуетъ.

Въ общемъ на сѣздѣ не выяснилось, какъ каждый лѣсничій хозяйничаетъ у себя, какіе нужды ощущаются у каждого и какіе онъ намѣренъ поступить въ будущемъ. Никто изъ лѣсничихъ къ сѣзду хорошенко не подготовился, да и подготовиться было нельзя, такъ какъ извѣстіе о сѣздѣ лѣсничіе получили дня за два, за три. Одинъ правда вопросъ трактовали очень жарко: видимо онъ наболѣлъ у каждого. Это — отсутствіе границъ казенныхъ дачъ въ натурѣ. Благодаря такому положенію происходитъ масса недоразумѣній съ окрестнымъ населеніемъ, которое зарабатываетъ на дачу и производитъ тамъ самовольныя порубки, нарушающія мало-мальски существующій у каждого лѣснаго планъ лѣснаго хозяйства. Да и самое веденіе лѣснаго хозяйства невозможно разъ неясна даже сама единица этого хозяйства — лѣсная дача. Вѣдѣстнаго этого сѣзда постановили ходатайствовать о присылкѣ межевщиковъ и объ ассигнованіи денегъ на работы по возобновленію границъ казенныхъ дачъ.

Второй вопросъ, тоже насущный, вопросъ объ устройствѣ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, накое во всѣхъ лѣсничествахъ трехъ округовъ губерніи оказалось неустраиваемымъ. Объ устройствѣ ихъ сѣздъ побоялся ходатайствовать, такъ какъ ожидалъ и ожидаетъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, полнаго неумѣнныя къ своему ходатайству. Для пробы, что изъ того выйдетъ, намѣчена къ устройству одна дача въ Успенскомъ лѣсничествѣ, Тюменскаго округа, три дачи въ Якутовскомъ округѣ.

Всѣ дальнѣйшіе вопросы, вырѣшенные сѣздомъ, относятся къ самому отпуску лѣса, произвольному ежегодно.

Этотъ отпускъ производится на основаніи глазомернаго опредѣленія дачъ, и каждый лѣсничій не можетъ съ увѣренностью сказать: съ одной стороны — ведетъ ли этотъ отпускъ къ исполненію дачи, или же съ другой, не является ли онъ minimum'омъ возможнаго по состоянію дачи — отпуска.

Вопросъ о крестьянскихъ дачахъ на сѣздѣ совсѣмъ не поднимался, тогда какъ онъ является самымъ насущнымъ изъ всѣхъ вопросовъ лѣснаго хозяйства. Лѣсная администрація старается сама вести лѣсное хозяйство въ крестьянскихъ лѣсахъ, тогда какъ прочіе вѣдомства и сами крестьяне того не желаютъ. Возникаетъ конфликтъ, гдѣ, поговорки: „паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трещать“, страдаетъ больше всего крестьянство.

До чего достигаетъ эта война — показываетъ хотя бы случай въ Туринскомъ округѣ, гдѣ чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ снялъ со всѣхъ польщиковъ знаки ихъ званія, т. е. сѣдлалъ ихъ съ должностями.

Надѣемся, что въ скоромъ будущемъ соберется еще сѣздъ лѣсничихъ, гдѣ уже будутъ обсу-

даться вопросы, вызванные мѣстной жизнью и представленныя хотя бы только однимъ лѣсничимъ.

В. В.

Село Каратузъ, 9 августа. (Нашъ насущный вопросъ). Село Каратузъ отстоитъ отъ Минусинска въ 90 верстахъ и сейчасъ является официальной резиденціей всего Алтѣйскаго-Минусинскаго горнаго района. Такъ напр., здѣсь находится и горный инженеръ съ своимъ довольно большимъ управленіемъ и горный исправникъ. Недавно открыта участковая больница и пріемный покой, а съ прошлаго года живетъ здѣсь и мировой судья. Только волостное управленіе находится въ с. Сагайскомъ, въ 7 в. отъ Каратуза, что вызвано только полукочевымъ населеніемъ Каратуза, выдающимся его еще болѣе изъ ряда обычныхъ сѣлъ. Жителей въ Каратузѣ болѣе 2000, въ число которыхъ входитъ довольно много золотопромышленниковъ. Лучшее всего показывается особый типъ Каратуза, то довольно большое количество газетъ и журналовъ, которые онъ получаетъ. Вотъ приблизительный подсчетъ ихъ: „Русское Богатство“, 2 экз., „Миръ Божій“, „Недѣля“, 2 экз., „Нива“, не менѣе 10 экз., „Журналъ для всѣхъ“ около 10 экз., „Вѣстникъ Ин. Лит.“, „Жизнь“, „Родина“, „Вокругъ Свѣта“, „Исторія Искусства“, „Моск. Вѣд.“, „Сынъ Отец.“ 3 экз., „Вѣржевые Вѣд.“ 2 экз., „Вудль-никъ“, „Новости“, „Вѣстникъ“ 3 экз., „Сиб. Жизнь“, не менѣе 5 экз., „Сиб. Вѣстникъ“ не менѣе 5 экз. Нѣсколько польскихъ газетъ и журналовъ, латинскія газеты, и тѣмъ паче. Со сожалѣніемъ, не имѣя почтового отдѣленія, какъ нельзя было собрать свѣдѣній о всѣхъ газетахъ. Мы не перечисляемъ и массы специальныхъ изданій: духовныхъ, медицинскихъ, военныхъ обязательныхъ по всѣмъ министерствамъ: юстиціи, вѣд., мин. ф. и. м., мин. г. и. и. и. прочіе, все они привозятся нашими двумя почтальниками, которые два раза въ недѣлю по найму золотопромышленниковъ горнаго урванъ и частныхъ лицъ вѣзутъ въ Минусинскъ за почтой и каждый разъ привозятъ полныя сумы газетъ и писемъ. Особенно много писемъ: письма на всѣхъ ящикахъ идутъ черезъ Каратузъ и отсюда уже разбрасываютъ присылающимъ почтальники. Но эта частная почта организована весьма тихо. По слухамъ официальной переписки по картамъ, почтальники таскаются съ своими сумами по всѣмъ домамъ Каратуза, предлагая каждому искать, что ему надо. Когда неграмотный почтарь въ первый разъ выросталъ у меня на столѣ всѣ свои письма, что бы и изъ нихъ выбиралъ свои, какой то ужасъ овладѣлъ мною: сколько человѣческихъ интересовъ, чувствъ, честолюбивыя стремленія за этими грязными конвертами, которые иногда и надписаны карандашомъ. Адреса указывали въ Одессу и Ригу и ближайшую деревню, а марокъ почти не было одною небыло. Иногда на конвертѣ стояла пометка: „За марку деньги уложены“, а кому гдѣ и когда — оставалось неизвестнымъ, и мною письма, оловянные адресаты, но безъ марокъ, вѣдь ли дабы Каратуза уйдутъ. Даже у насъ, въ Каратузѣ, нельзя купить марки, а на присылку рѣдкій счастливецъ ихъ имѣетъ. Простой смертный, не аборигенъ и у почтарей нахитъ, за каждое простое письмо платитъ почтальнику 10 коп. (7 на марку и 3 на наклейку) и это еще милостиво со стороны почтарей. Такова то почтовая организація въ селѣ Каратузѣ, имѣющій представителей почти всѣхъ министерствъ. Неужели же мы не дорожимъ еще до простого почтового отдѣленія? Не составляется ли давно почтовое отдѣленіе для насъ не менѣею потребностей, а въ всѣхъ учрежденіяхъ нашего села? Въ Каратузѣ содержится и оплачивается дружокъ почтарей, что обходится не дешевле 1000 р.

вымъ шагомъ и эти разсужденія ихъ отличаютъ отъ обыкновеннаго глубокого, трезвостого и... дѣло. Исполнители все это по порядку, Турингъ нажалъ спускъ курка у своего револьвера. „И послѣдняя мысль, прорѣзавшая мозгъ несчастнаго, какъ яркою молніею, говоритъ авторъ, были слѣдующія слова: что-то не такъ, если бы меня такъ, если бы уже не напалъ меня“.

Часъ отъ часу не легче! До самого конца романа Турингъ является болѣе теоретикомъ, человѣкомъ кабинета, а не жизни, и притомъ человѣкомъ несомнѣнно нормальнымъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ его ненормальность становится очевиднѣе и при своемъ проявленіи принимаетъ болѣе рѣзкія и болѣзненные формы. Слѣдя за жизнью этого мопека, хитя и чувствуешь всю его сознательность, всетаки часто жалѣешь, что Турингъ не въ болѣе, гдѣ его можетъ быть вылечили бы, а разлагаются въ качества философа и искателя истины на свободѣ и старается добираться до этой истины своимъ умомъ. Теперь оказывается, что по мнѣнію автора, Турингъ и на самомъ дѣлѣ есть таковой и что эта пѣздѣлая истина имъ найдена.

Въ чемъ она заключается, — въ сознаніи ли, что смерть одна заключаетъ въ себя смыслъ жизни или въ чемъ другомъ, — рѣшить не берусь, да и мало меня занимаетъ этотъ вопросъ. Характернѣе всего то, что въ нашей литературѣ послѣднихъ временъ все чаще и чаще фигурируютъ разные сумасшедшіе и маньяки въ качествахъ истинныхъ, стоящихъ на вѣрной почвѣ и достоящихъ подражанія, а болѣзненные проявленія ихъ ненормальности принимаютъ видъ „лучшей свѣта“.

Если мы знакомимся съ человѣкомъ ненормальнымъ, мучающимся надъ неясностями окружающаго и по мѣрѣ возможности стремящагося къ разрѣшенію лѣсныхъ вопросовъ этой жизни, то горю духъ другихъ произведеній, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить, составляющихъ полную ему противоположность. Неудача окружающаго дѣйствительности ихъ нисколько не занимаетъ, темная сторона ея, поскольку онъ не касается ихъ собственныхъ особъ, — для нихъ безразлична, несправедливости этой дѣйствительности приводятъ ихъ дѣлѣ къ страстному стремленію попасть въ качествахъ привилегированнаго меньшинства. Собственное „я“ является для нихъ центральной фигурой мірозданія, личное счастье — въ самомъ грубомъ смыслѣ — единственною цѣлью жизни, съ соціальною точкой зрѣнія это типъ анти-общественный, съ этической точки зрѣнія онъ самый безнравственный, но это нисколько не мѣшаетъ доминировать ему среди сильныхъ міра сего и быть самымъ зауряднымъ явленіемъ. Таковъ напр., благородный рыцарь Арибертъ Клинебергъ, герой романа Эрнста фонъ-Вольфенгау „Ессе его“ (В. Евр. V—VI кн.). Онъ не перестъ чѣмъ не останавливается, если дѣло идетъ о достиженіи какихъ-нибудь эстетическихъ цѣлей; въ подобныя случаи онъ и умѣетъ, и предпринимаетъ и находчивъ. Путемъ притворства и ряда обма-

въ годъ. О телеграфѣ же мы пока и мечтать не смѣемъ, хотя для дѣла сѣти присылокъ и телеграфъ не составилъ бы чего либо изъ ряда выходящаго.

Въ заключеніе, кромѣ сего, маленькая параллель: Каратузъ имѣетъ болѣе 20 торговыхъ лавокъ, 7 винныхъ учрежденій всѣхъ родовъ (оптовый складъ, ренсковой погребъ, пивная, 4 кабакъ) и сколько бы вы дунали, дорогой читатель школы?... одну простую, одноклассную школу съ однимъ учителемъ. Не правда ли — какіе мы просвѣщенные люди? Можно было бы надъ этимъ пошутить, если бы не было было 1 сентября, когда по примѣру прежнихъ лѣтъ, увѣ, опять будутъ рѣвать бабы и ребята у входа въ храмъ науки, который вынужденъ будетъ выбросить на улицу не мало жаждущихъ и алчущихъ.

А. И.—ча.

Урожай въ Алтайскомъ округѣ. Въ статистическое отдѣленіе при главномъ управленіи Алт. окр. поступаютъ сообщенія г.г. корреспондентовъ за осенній и лѣтній періоды для составленія сельско-хозяйственнаго обзора округа за 1898 г. Относительно каждаго хлѣба корреспонденты сообщаютъ, каковъ, по ихъ мнѣнію, получился урожай: средней, хорошей или плохой. Судя по этимъ сообщеніямъ, урожай всѣхъ хлѣбовъ, въ общемъ, можно назвать нѣсколько выше средняго, при чемъ озимый рожь, ячмень, ленъ и конопле хороши, а ярица нѣсколько хуже. По различнымъ мѣстностямъ округа характеристики колеблются.

Въ сѣверо-восточной части Алтайскаго окр., т. е. въ Томскомъ уѣздѣ, въ сѣверной части Кузнецкаго и правобережной части Барнаульскаго уѣздовъ, урожай признанъ сравнительно худшимъ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ округа.

Здѣсь урожай выше средняго можетъ быть названъ только для льна и озимыхъ, ниже — средняго — для ярицы и пшеницы, остальные хлѣба ожидаются по урожаю для данной мѣстности средними.

Въ гористой мѣстности Алт. окр., занимающей южные части уѣздовъ Бійскаго и Кузнецкаго и юго-восточную часть Зыбноторскаго уѣздъ, почти всѣ хлѣба получались выше средняго; лучше другихъ считаются ленъ, конопле и озимые хлѣба.

Въ степяхъ, занимающихъ лѣво-обскую часть Барнаульскаго уѣзда, сѣверную часть Бійскаго и сѣверо-западную Зыбноторскаго, урожай для всѣхъ хлѣбовъ опредѣляется выше средняго.

Въ частности, относительно Томскаго уѣзда, замѣтимъ, что здѣсь только озимые хлѣба и ленъ можно считать средними, урожай же всѣхъ остальныхъ хлѣбовъ корреспонденты называютъ ниже средняго. Какъ на причину такого плохого состоянія хлѣбовъ почти всѣ отвѣты указываютъ на засуху, стоявшую весь іюль мѣсяца, а также на сильные вѣтры, господствовавшіе здѣсь во время цвѣтенія хлѣбовъ; на тѣ же причины плохого урожая хлѣбовъ указываютъ и корреспондентъ изъ сѣверной части Кузнецкаго уѣзда, гдѣ средній урожай ожидается только для овса, льна и конопли.

Расчетная книжка.

Передъ нами лежитъ „расчетная книжка матросовъ рѣчной флотиліи Западно-Сибирской желѣзнодорожной флотиліи“.

Блѣе подходящимъ заглавіемъ этой книжки могло служить: „желѣзныя условія желѣзнодорожной администраціи съ матросами рѣчной флотиліи“.

новъ онъ выгодно женится, невозможнымъ образомъ доводитъ до преждевременной смерти жену и до парализа калѣку — брата, приданымъ женой поправляетъ свои хозяйственныя дѣла и въ концѣ романа женится вторично, опять таки выгодно, и выбирается въ рейсгазъ. Тестъ Клинеберга по второму браку такъ опредѣляетъ своего зятя: „это человѣкъ современный во всѣхъ отношеніяхъ, во всемъ, что отъ него требуется въ наше время: у него невозмутимая, твердая совѣсть и рѣшимость приступить прямо къ дѣлу. Мы до сихъ поръ еще слишкомъ погружены въ романтическія бредни; а зять мой — правъ. Для человѣка ловкаго и развитаго, для человѣка предприимчиваго и снѣлаго ума, въ наши дни, долженъ быть только одинъ — единственный девизъ: „Ессе его!“ Другое дѣйствующее лицо романа, несмотря на свое глубоко-отрицательное отношеніе къ людямъ этого типа, вынужденъ признавать силу и значеніе ихъ въ современномъ обществѣ: „для такихъ, какъ онъ (Клинебергъ) усердныхъ работъ своихъ стремлений, — говоритъ онъ, — теперь самое золотое время. Холодное отношеніе къ другимъ и горячее къ своему собственному“ — вѣрнѣе непроницаемыхъ латъ, надежные закаленные стѣны охраняютъ ихъ отъ страданій и отъ ранъ, которыми человечество наноситъ каждому, обладающему чуткой, отзывчивой душой. Вѣрнѣе скупеннаго заблуда, такое отношеніе эгоиста къ себѣ и къ другимъ прерываетъ доступъ въ его душу мыслямъ, опаснымъ для его себялюбия. Да, да! Нашъ благородный рыцарь Арибертъ вооруженъ прекрасно и достигнетъ величайшихъ почестей, какъ стоить алтара и трона... Это новый рыцарскій орденъ св. „Его!“.

Влзникъ къ этому типу — на этотъ разъ взятъ изъ русской жизни, — стрѣляетъ мы въ расказѣ В. Авбенко „Карьера Вязнига“ (В. Евр. VI кн.). Вязнигъ-департаментскій чиновникъ-карьеристъ до мозга костей. Онъ человѣкъ не безъ способностей и смѣетъ даже за человѣка съ убѣжденіемъ, по способности его направленію всецѣло къ употребленію своей карьеры, а въ выработкѣ своихъ убѣжденій онъ руководствуется насладами начальства. У Вязнига нѣтъ ничего завысшаго, чѣмъ бы онъ не пожертвовалъ для карьеры и въ концѣ расказа мы встречаемъ его уже получившимъ новое высокое назначеніе и женихомъ милліонерши, пожелавъ провизіональную львицу другого тона. При этомъ всѣ эти подлости Вязнигъ совершаетъ съ такимъ благороднымъ видомъ, съ такою невозмутимую ясностью дѣла, что вы то и дѣло забываете, что передъ вами не болѣе ли менѣе, какъ продажный искатель богатства и чиноу.

Недуренъ по мысли, но неудаченъ по выполненію очеркъ П. Вязнига „Ночныя тѣни“ (Рус. Бог., VI кн.), рисующій жизнь залогоунаго уѣзднаго горника со всѣмъ его засасывающимъ влияніемъ. На фонѣ общей пошлости, вѣнча и сплетенъ рисуется молодой и симпатичный поручикъ Чердынецъ, способный, быть можетъ не безъ основанія считающій себя головою выше своихъ

И дѣйствительно, что можетъ быть безпощаднѣе этихъ условій?

Всѣмъ, взятый на себя бытъ матросовъ этихъ флотилій, закоротковато является желѣзнодорожной администраціей, или вѣрнѣе, отдастъ себя въ добровольное рабство желѣзной силѣ капитала, лишая себя всего, что присуще всякому малозначимому свободному человѣку, и такимъ образомъ обезличиваетъ себя передъ волей нанимателя до крайней степени.

Нанимающіеся обязуются безпрекословно подчиняться, какъ во время навигаціи, такъ равно и во время зимовки каравана цѣлой іерархіи начальствующихъ лицъ, которыми во время пути являются командиры пароходовъ, ихъ помощники, лоцманы, а во время стоянки къ этому начальству присоединяются агенты по хозяйственнымъ заготовкамъ и ихъ помощники.

Такъ что, благодаря особенной заботливости о матросахъ, составители этихъ условій поставили надъ матросомъ цѣлую фалангу начальствующихъ лицъ.

Посмотримъ, какія обязательства налагаютъ матросовъ эти условія.

Параграфомъ 2 матросъ обязуется вышлѣтати до открытія навигаціи всѣ работы по ремонту и вообще по подготовкѣ судовъ флотиліи къ плаванію, по указанію командировъ парохода, ихъ помощниковъ, лоцмановъ, водоливовъ и ихъ помощниковъ.

Изъ этого § мы видимъ, что матросы должны являться въ роли слесарей, плотниковъ и вообще въ роли всѣхъ необходимыхъ при ремонтѣ мастеровъ.

§ 4 говоритъ что, во время пути или стоянки матросы должны исполнять всѣ казенныя работы, какъ то: грузить, перегружать и выгружать дрова, бревна и всякіе другіе грузы съ возможною поспѣшностью, не требуя за это никакой дополнительной платы; къ той, которую они получаютъ за нагрузку дровъ для надобностей парохода.

За каждую попутную сажень аршинныхъ дровъ перенесенію съ берега на судно матросъ получаетъ 25 коп. за попутную сажень 12 вер. дровъ — 20 коп. За перегрузку же дровъ съ баржи на пароходъ матросъ никакой платы не получаетъ. Здѣсь уже мы видимъ матросовъ въ роли простыхъ чернорабочихъ, грузчиковъ, кромѣ дровъ для надобностей парохода, еще бревна и посторонній грузъ и все это — съ условіемъ возможной поспѣшности.

Кромѣ этой, по видимому казенной работы, матросы могутъ употребляться по требованію агента или водолава на частныя работы у подрядчиковъ и обязаны исполнять эти работы безпрекословно по той цѣнѣ, какую будетъ платить „подрядчикъ“.

Отдавая въ кабалу подрядчику своихъ матросовъ, желѣзнодорожная администрація мѣшается съ подрядчикомъ ролями — является подрядчикомъ у подрядчика.

Этия работы не исчерпываются обязанностями матросовъ. Они по очереди обязуются держать вахту днемъ и ночью по назначенію распорядителя парохода или баржи, но не только во время вахты, но и во всякое другое время обязуются наблюдать за безопасностью отъ огня воды и вѣтра, всѣхъ находящихся на суднѣ людей — служащихъ и пассажировъ, — за чистотой казеннаго и частнаго имущества какъ того судна, на которомъ онъ находится, такъ и всякаго другого, принадлежащаго Западно-Сибирской жел. дор.гѣ...

Въ этомъ §, кромѣ обязанностей, является нѣсколько курьезовъ, которыхъ мы не можемъ протти молчаніемъ: во 1-хъ матросъ, по желанію со-

Журнальное обозрѣніе.

(Польскія книжки „Рус. Бог.“, „Вѣстн. Евр.“, „Міра Божьяго“, и „Рус. Мис.“).

Въ разбираемыхъ книжкахъ одновременно оказываются: „Оводъ“ — романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ, м — сѣ В. Войничъ (М. В. I—VI кн.) и „Пустынное сердце“ В. Свѣтлова (Р. М., I—VI кн.). Впечатлѣніе, производимое этими романами, можетъ служить иллюстраціей къ вопросу о томъ, какое значеніе имѣетъ идея въ художественныхъ произведеніяхъ, изъ тенденціи. Въ художественномъ отношеніи произведенія эти одинаково плохи, описываемые въ нихъ люди одинаково неестественны, литературная обработка обоихъ отличается одинаковою топорностью. Но какая всетаки большая разница въ томъ впечатлѣніи, какое оба эти произведенія на насъ производятъ, въ степени интереса, который каждое изъ нихъ возбуждаетъ въ насъ. Романъ г. Свѣтлова съ трудомъ дочитываешь до конца, — до того шаблонны, хотя и безжизненные его герои, до того скучна и мертва, проводимая авторомъ идея. „Оводъ“ напротивъ, несмотря на свои художественныя недочеты, читается съ начала до конца съ самымъ живымъ интересомъ.

Дѣйствующія лица романа — борцы за свободу порабожденной Італіи 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ романѣ мы видимъ какъ они воспитывались и подготовляются къ революціонной дѣятельности, знакомимся въ общихъ чертахъ съ самою этою дѣятельностью, на нашихъ глазахъ разстрѣливаютъ одного изъ наиболѣе выдающихся и интересныхъ дѣятелей въ этой области. Правда, фигуры эти не всегда естественны, въ романѣ много фантазіи, но самая тема до того полна захватывающаго интереса, что отъ романа трудно оторваться.

Какъ ни плохъ романъ г. Свѣтлова, онъ все-таки явленіе характерное и остановиться на немъ подробнѣе будетъ нелишне. Прежде всего — маленькая историческая справка. Не дабы, какъ въ прошломъ году, вышелъ другой романъ г. Свѣтлова „Въ неизвѣстную даль“. Романъ этотъ, такъ же какъ и разбираемый нынѣ, носитъ проповѣдничскій характеръ, только основная мысль его была другая. Тамъ авторъ старался доказать жизненное начало вѣры, въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, и всѣ вышшіи и внутреннія негодности главнаго героя своего романа онъ ставилъ въ прямую зависимость отъ его безвѣрія. Рецензентъ „Рус. Мысли“, разбирая этотъ романъ, помнитъ, не соглашаясь съ основною мыслью автора и доказывая, что слово вѣра въ романѣ употреблено было въ замѣтный словомъ любви, и что всѣ неудачи героя романа происходятъ не отъ недостатка вѣры, а отъ недостатка любви. Голосъ критика не пропалъ даромъ, и „Пустынное сердце“ является самымъ старательнымъ, хотя и страшно скучнымъ развѣтѣмъ этой мысли.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ романа является нѣрѣдкій въ современномъ образованномъ обществѣ типъ человѣка, ищущаго смысла и значенія жизни и не находящаго его въ лабиринтѣ философскихъ системъ и религіозныхъ ученій. Въ поискахъ внутренняго умиротворенія онъ совершаетъ рядъ величайшихъ поступковъ и поступаетъ въ монастырь, оставаясь человѣкомъ неутраченнымъ. Монастырь не удовлетворяетъ Турингу — такъ зовутъ героя романа. Въ минуты одиночества здѣсь его начинаютъ преслѣдовать образъ дѣвушки, которую онъ когда-то любилъ и ему начинаетъ казаться, что онъ продолжаетъ любить ее и любить даже сильнѣе чѣмъ прежде. Оляша — простая, наивная дѣвушка, можетъ быть неособенно умная, но добрая, съ отзывчивымъ и привабливымъ сердцемъ.

Эти ея свойства и прельщаютъ особенно Турингу, который хорошо знаетъ, что она ему не пара и что она не понимаетъ и не способна понять его внутренней жизни. Собственно изъ-за этого взаимнаго непониманія, осложненнаго мелочной предприимчивостью Турингу, они и разошлись когда-то. Оляша успѣла уже послѣ этого раздора вый и замужъ и овдовѣть, но любовь къ Турингу у нея сохранилась. Случай сводитъ ихъ снова. Турингъ оставляетъ монастырь, снова оббликается съ Оляшей, но скоро приходитъ къ мысли, что онъ не любитъ ее и дѣло кончается новымъ разрывомъ. Теперь у Турингу остается надежда на единственное средство къ умиротворенію своего мятущагося духа — за смертью, и онъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Передъ смертью Турингъ пишетъ Оляшѣ письмо, въ которомъ пытается проанализировать и объяснить свою свою жизнь, приведшую его къ столь ненормальному исходу. Ни религія, ни общественныя идеалы, ни интересъ личной жизни не дали ему руководящихъ принциповъ жизни, не указали ни смысла, ни цѣли ея. „И жизни мнѣ не показалась, говорить онъ, до того нехотѣло, до того пошлой шуткой, что у меня не стало силъ жить. Единственный смыслъ, который я увидѣлъ въ ней, — смерть... Жить безъ цѣли, безъ смысла, безъ любви невозможно. Кто любитъ, говоритъ, обрѣтаетъ силу жизни. Но я въ эти послѣднія минуты понялъ, что не люблю... Если бы сердце мое было полно любовью, можетъ быть мнѣ стало бы легко и все сдѣлалось бы яснѣе. Но я по натурѣ своей не могъ усвоить этого простаго и яснаго ученія. Отецъ мнѣ передавалъ слишкомъ сухое, черствое сердце, — сердце не способное любить. „Пустынное сердце“, какъ сказалъ обо мнѣ о. Іосифъ (ученикъ монаха). Я искалъ царства Божія всюду, упорно, долго искалъ, какъ ищутъ клада. Но можетъ быть ошибка моя состояла въ томъ, что я его искалъ всюду, а не себя, не въ исканіи его въ сердцѣ своемъ. И не могъ искать въ немъ, потому что оно пустынно...“ Далѣе слѣдуетъ нѣсколько другихъ глубокомысленныхъ разсужденій Турингу о суетѣ и ничтожествѣ всего земного, человеческого. Истинно, вѣдь, что литературные самоубійцы ужасно много разсуждаютъ передъ роко-

А.

